

Оглавление

ЧАСТЬ I.	
СОВРЕМЕННОСТЬ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ	7
1. Краткая история современности	9
2. Демодернизация	22
3. Революции и современность	28
4. Постсоветская демодернизация	32
5. Евромайдан: попытка постсоветской модернизации	50
6. Национальное государство, демократия и капитализм: восточноевропейское измерение	69
7. Возможен ли долговременный мир в Восточной Европе?	87
ЧАСТЬ II. ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ О ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ МОДЕРНОСТИ	97
1. Как обустроить вечный мир? Ответ с точки зрения прикладного просвещения Иммануила Канта	99
2. Возможна ли Восточная Европа без коррупции? Ответ с точки зрения политической онтологии восточноевропейской «системной коррупции»	120
3. Возможна ли философия в тоталитарном государстве? Ответ в связи с опытом развития философии в Советском Союзе	133
4. Возможно ли взаимопонимание в глобальном мире? Ответ с точки зрения опыта непонимания в ситуации глобальности	167
ВМЕСТО ЭПИЛОГА.	
Интервью: война и власть	189
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	199
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	211
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	215

**Часть I.
Современность
в Восточной Европе**

1. Краткая история современности

Современное человечество живет в мире, возникшем вследствие разрыва с архаическим прошлым. Желание стать независимой неповторимой личностью в познаваемом и создаваемом мире привело многие поколения мужчин и женщин к существованию в новой культурной ситуации. В расколдованной, просчитанной, рукотворной и иллюзорно-предсказуемой культуре время и пространство изменили свои формы и содержание. Этот хронотоп модерности сложился как совокупный результат запланированных и неожиданных последствий искушения рациональностью. Став источником нормативности, индивиды вошли в мир желанных целей и неожиданных достижений.

Искушение редко ведет к желаемому. Обещания модернизации привели нас к неожиданно сложной ситуации. Ученые-революционеры XVII–XVIII веков мечтали о «просвещении тьмы» и «упорядочении хаоса»¹, и их мечты реализовались. Тем не менее реальное просвещение само по себе оказалось источником системных ограничений, а рациональный порядок ввергал человека в парадоксальный рукотворный хаос. Человеческий разум оказался одновременно источником обещаний свободы – и вездесущего контроля, беспрецедентного насилия – и безграничных возможностей для творчества. В современности разнотравье культурных жизненных миров и человеческой подлинности находится под постоянно возрастающей угрозой.

---

¹ Это были базовые метафоры, общие для групп интеллектуалов, собравшихся вокруг Ньютона, Лейбница и французских просветителей; эти же метафоры использовали «модернизаторы» других культур, включая отцов-основателей Соединенных Штатов; большевиков; Мао Цзэдуна и прочих.

Модерность основана прежде всего на идее универсальности человеческих интересов и неограниченности возможностей разума. Культуры стали современными, совершив крутой поворот, благодаря которому инновации обрели господство над прецедентом. Баумановская метафора «кристалл традиций» позволяет истолковать архаическое общество как воспроизводящее себя по ранее существовавшим лекалам и почти не поддающееся изменениям (Baumann, 2006: 1–3). Традиция и прошлое были источником легитимности существующего порядка. Ворвавшись в жизни культур, непостоянная, стремительная и струящаяся энергетика модерности размыла пределы локальных традиций и заменила их идеей универсальных принципов человеческой природы. Хронотоп модерности во сто крат усилил творческую энергию индивидов, чтобы положить начало новым начинаниям во всех сферах жизни, в том числе политике и экономике, семье и религии, образовании и общественной жизни. Люди действительно стали творцами своих судеб.

Если рассматривать второе десятилетие XXI века с точки зрения истории современности, становится ясно, что разрушение границ традиций сделало возможным глобальное, а в перспективе и транспланетарное человечество. Современные универсальные ценности глубоко трансформировали все современные общества в мире. Это преобразование связано с разделением всех взаимодействий между людьми на две сферы – публичную и приватную². Обе сферы определены своими специфическими интересами, практиками и институтами. Публичная сфера была построена как пространство политической свободы, легитимной власти и общения ради общего блага³. Приватная же сфера включает области интимной, семейной, деловой и религиозной жизни. Эта публично-приватная дифференциация происходит на основе универсальных принципов и ценностей, общей структурной особенности современных обществ.

Дифференцирование на публичную и приватную сферы произошло фактически во всех современных обществах в соответствии с идеальным замыслом модерности. Тем не менее эти сферы и гра-

---

² Это структурное преобразование всех типов человеческого взаимодействия было описано, например, в работах Ханны Арендт и Юргена Хабермаса (Arendt, 1958; Habermas, 1971).

³ Об этом общении в совокупности всех смыслов Аристотелевой койнонии [κοινωνία: общение, разговор, коммуникация и создание общего (политического) целого] речь пойдет во второй части книги.

ница между ними стали пространством непредвиденных событий. Публичность, этот многообещающий принцип реализации свободы и равенства, претерпела коррумпирующее воздействие инструментальной рациональности⁴, что привело к возникновению Системы, агломерата анонимных сил, непреднамеренных последствий рационализированных коллективных действий людей.⁵ Под влиянием Системы, отрывающейся от жизненных интересов человека, приватная сфера зачастую превращалась в гетто для ризомы жизненного мира. Кроме того, существование дихотомии все чаще оказывалось под вопросом из-за вмешательства Системы в вопросы жизненного мира. Такая «колонизация» жизненного мира происходила, когда автономная Система вторгалась в дела жизненного мира, подрывая индивидуальные свободы, традиционные формы жизни и биокультурные условия человеческого существования.⁶ Таким образом, история современности не дала оснований верить в линейный прогресс или хотя бы в более-менее последовательную трансформацию публичных и частных институтов. Современность полна неожиданных трагичных открытий относительно пределов разума и человеческого потенциала.

В историософском плане можно говорить о трех важнейших аспектах нынешнего понимания современности. Во-первых, несмотря на универсальность своих идеалов, принципов и норм, модернность почти так же многообразна, как и архаика. В этом вопросе глобальная модернность — лишь общее название для различных

-
- ⁴ Здесь я использую термин из словаря Франкфуртской школы социальной философии, обозначающий разум, основанный на эффективности как принципе соотношения цели и инструментов и ведущий к установлению контроля за естественным миром посредством применения технологии; в социальном мире инструментальный разум проявляется в особом способе администрирования и принятия решений. См: Horkheimer & Adorno, 2002: X-XXI; Habermas, 1984: 143–272.
- ⁵ Система — институционализация «дурного общества», основанного на глубокой эрозии человеческой свободы, осмысленной жизни, переживаемого личного опыта и социальной компетентности обычных людей (Habermas, 1973: 9).
- ⁶ Концепция колонизации жизненного мира была разработана Юргеном Хабермасом в двухтомной «Теории коммуникативного действия» (Habermas, 1984; Habermas, 1987). Он продолжил пессимистическую оценку модерности, начатую Максом Вебером, Максом Хоркхаймером и Теодором Адорно. По моему мнению, внимание этой школы к негативному влиянию рациональных институтов на развитие современных обществ не позволило увидеть обратный процесс — колонизацию Системы жизненным миром. Об этом я подробно расскажу в расположенных ниже главах.

сублокальных, локальных и суперлокальных «модерных проектов». На самом деле мы имеем дело не с одной модерностью, а со многими модерностями, имеющими свои специфические локальные и темпоральные различия.

Если первый аспект связан с географическим разнообразием модерности, второй касается ее временной нерегулярности и неоднородности. Различные локальные культуры запускают свои проекты современности в разное время. Локальные модерности имеют разные стартовые позиции в общечеловеческой истории. Локальные модернизации стартуют не только под воздействием внутренних сил обществ, но и в политическом, социально-экономическом и культурном взаимодействии с уже модернизированными и/или модернизирующимися обществами мира. Эта пространственно-временная сложность модерности также отражается в неравномерности региональных переходов от одного этапа глобальной модернизации к другому. Довольно часто конкуренция проектов приводит к демодернизации неконкурентоспособных проектов, когда обратное развитие модернизированных обществ ведет к попыткам кристаллизации новых, якобы традиционных культур с непредсказуемыми результатами взаимной колонизации жизненного мира и Системы. Сложная модерность разнообразна и множественна как во временном, так и в пространственном и трансформационном смысле.

Третий аспект современности вытекает из двух вышеназванных. Постсоветские общества, в том числе белорусское, российское и украинское, переживают противоречивый исторический период. В дополнение к рискам, возможностям и ограничениям человеческой жизни, присутствующим в социальной, экономической и политической модернизации, постсоветская современность демонстрирует возрастающую тенденцию к своей противоположности – обратному развитию. Эта демодернизация развязала социальные силы, которые уничтожают и политическую рациональность, и культурные традиции, что приводит к возникновению такой культурной ситуации, когда ни рациональность, ни традиция не могут одарить человека ни смыслом жизни, ни нравственным ориентиром, ни политической свободой.

Предотвращение трагедий нового века, превосходящих кровавый XX век, терапия восточноевропейских модерностей, достижение «порядка открытого доступа» – вот области ответственности живущих сейчас в нашей части планеты.

Пространственный полиморфизм модерности

Модерность – это общее название для ситуации, в которой человеческие общества оказались под воздействием глубокой рационализации ценностей, норм и практик. Традиционное мировоззрение архаики, где истина, добро и красота совпадали, претерпело дифференциацию и привело к возникновению современности с ее наукой, логикой, этикой, эстетикой и прочими множащимися дисциплинами ума. Развитие человеческих обществ, где господствуют рациональные структуры модерности, называется модернизацией (иначе – становлением модерности).

Теории, разработанные под влиянием идей Макса Вебера, рассматривают модернизацию как совокупность взаимодополняющих изменений ценностей, идентичностей, форм политической и экономической жизни. Каждая из линий изменений включала в себя особые трансформации. Так, в ценностном плане индивидуальный опыт и самореализация получили приоритет над культурным прецедентом и выживанием. Это также привело к тому, что внешние, трансцендентные источники ценностных ориентиров теряли гегемонию, происходила секуляризация общества и профанизация культуры.

В плане идентичностей все отчетливее происходила концептуализация права и его практического применения. Вместе с правом возник его носитель – личность как политический и экономический агент. А вокруг права и его носителя институционализировалась городская гражданственная культура как доминирующая форма жизни с правовыми институтами и формальным образованием как индустрией индивидов.

Вместе с этим сформировались рационально-институализированные политические системы с разделением на ветви власти (законодательную, исполнительную и судебную), центры власти (финансовый, экономический, силовой, медийный и пр.) и их уровни (центральный и местный). Развитие политических институтов привело к тому, что государства стали способны управлять очень большими коллективами в виде огромных империй, национальных республик, федераций, конфедераций и пр. Это же развитие привело и к возникновению над- и межгосударственного глобального политического порядка с его блюстителями – Лигой наций, ООН или «Большой двадцаткой».

Кроме того, современность оформилась в виде экономического порядка. Одним из двух ключевых средств-медиумов модерно-

сти наряду с властью стали деньги. Вокруг них происходит также институциональное строительство, позволяющее почти безопасное накопление и воспроизводство капитала, развитие производства и технологий, а также повышение производительности и отчужденности труда.

Экономический и публично-правовой порядки переобосновали и мир, и его картину. Суммируя идеи, описывающие и предписывающие модернизацию, Юрген Хабермас описал процесс становления современности следующим образом:

«В результате того, что картины мира распадаются, а доставшиеся по наследству проблемы расчленяются в соответствии со специфическими аспектами – истины, соответствия нормам, подлинности или красоты – и могут рассматриваться как вопросы познания, справедливости, вкуса, в Новое время происходит дифференциация ценностных сфер науки, морали и искусства. В соответствующих культурных системах деятельности институализируются научные дискурсы, исследования в области морали и теории права, создание произведений искусства и художественная критика как дело специалистов» (Хабермас, 1992: 40).

В человеческой истории переход от архаики к современности занимал долгое время и продолжается по сей день во всех регионах мира. Философы, социологи и историки пытались описать этот переход как «плавление кристаллизованной традиции» (Baumann, 2006), «патогенез современного общества» (Koselleck, 1988) или «диссоциацию традиционного мировоззрения» (Хабермас, 1992). Событие разрыва с традиционным обществом началось в Западной Европе одновременными и усиливающимися друг друга процессами, такими как:

- возникновение современной науки, меняющей картину мира и места человека в ней;
- великие географические открытия;
- рост городов;
- разрушение церковного единства Запада;
- реформация с ее особым пониманием роли индивида.

Эти процессы были настолько разрушительными для традиционных форм жизни, что архаический порядок Западной Европы впервые за тысячелетия не смог залечить травмы инноваций. И эти же процессы были созидательными для новых, современных форм

жизни (в понимании Витгенштейна), которые, в свою очередь, запустили длительный путь модернизации в Европе, Америке, Азии, Австралии и Африке. В XIX веке модернизация стала доминирующим порядком в большинстве стран Европы и Северной Америки, а в XX веке — глобальной социокультурной реальностью.

С момента своего самоосмысления и до наших дней модернность была неразрывно связана с целостным пониманием человечества как универсального исторического субъекта и универсального значения своего базового элемента — автономного субъекта. В течение истории последних трех-четырех столетий принципы, методы, модели и образцы западной модерности стимулировали похожие процессы рационализации культуры в других частях мира. Видение человечества как единого целого двигало модернизацию во всех уголках мира, но при этом распад традиционных мировоззрений и возникновение современных обществ происходили по-своему. В каждом обществе модернизация шла со своей скоростью, в сотрудничестве и конкуренции с другими локальными проектами модерна.

Сегодня социологи из группы World Values Survey описывают глобальную модернизацию как карту с географически и культурно различными «регионами». Эти регионы имеют различный уровень влияния рациональных секулярных ценностей и ценностей самовыражения на индивидуальную и коллективную жизнь людей. Кристиан Вельцель и Рональд Инглхарт пришли к выводу, что, в погоне за эмансипацией личности и распространением интереса к демократии в обществах всего мира, мы по-прежнему имеем разную локальную реакцию на современные ценности и практики⁷. Их исследование также показывает, что современные ценности по-разному влияют на общества, находящиеся на разных этапах модернизации⁸.

Да, модернизирующая рациональность в корне изменила мир, в котором мы живем. Однако, несмотря на то, что в Западной Европе модернность имела общие универсальные цели и общее геоисторическое начало, переход к ней исторически заметные человеческие общности переживали в разных частях мира по-разному. Понимание культурной сложности современности позволило Шмуэлю Эй-

---

⁷ См. таблицу 2.4. «Культурная карта мира в 2000 г.» в Inglehart & Welzel, 2005: 48.

⁸ См., например, таблицу 1.2. «Различия между влиянием индустриальной и постиндустриальной фаз модернизации на человеческие ценности» (Там же, 30).

зенштадту артикулировать соотношение между западными и другими локальными модерностями так:

«Западные модели современности — не единственные „аутентичные“ модерности, хотя они и являются историческими прецедентами» (Eisenstadt, 2000: 2-3).

Сегодняшний мир состоит из множества возникающих, развивающихся и распадающихся локальных современных проектов. В геоисторическом плане современность включает в себя следующие этапы. Прежде всего это беспокойный XVI век в Западной Европе с культурами, в которых выжило новое понимание религиозной, научной, информационной, политической и экономической жизни и организации. Попытки разрушить архаический строй — нормальная часть истории архаичного человечества. Однако в самих архаических культурах присутствуют механизмы, залечивающие травмы инновации. Так, потенциальные революции викингов, обнаруживших неописанные территории Эйкумены, или попытки Яна Гуса преодолеть церковную традицию были побеждены и «залечены» архаикой. Но великие географические открытия Колумба и прочих прославленных путешественников, философия Декарта, реформация Лютера и станок Гуттенберга нанесли незаживающие раны традиционным культурам Западной Европы. Из этих ран и проистекла современность.

Второй этап развития современности — абсолютистские американо-европейские семнадцатый и восемнадцатый века. В это время становление модерна сопровождалось концентрацией власти в руках абсолютных монархов Европы, а также колонизацией обеих Америк и северной Евразии. В мире становилось все больше научно-образовательных центров и все сильнее крепили связи между ними. Экономическое развитие, научный поиск и новые религиозные движения содействовали созданию колониальных систем. В этот период модерн заявил во весь голос свои претензии и стал открыто претендовать на глобальность Европы и в Америках, и в России, и в афро-азиатских колониях.

Третий этап — возникновение социальных миров великих революций во второй половине XVIII века. Рациональность, вырвавшись из научного гетто университетов и академий, все чаще диктовала свои правила политической элите. Идеи равенства; вечного мира; всемирной федерации республик; разделения властей и правового ограничения власти все больше влияли на социальную реальность. Именно в это время произошли две великие револю-